

Размышления о будущем цивилистического судопроизводства

**Всеволод
Владимирович
Аргунов,**

доцент кафедры
гражданского процесса
юридического факультета
Московского
государственного
университета
имени М.В.Ломоносова,
кандидат юридических наук
argunov@mail.ru
119991, Россия, ГСП-1,
г. Москва, Ленинские Горы,
д. 1, стр. 13—14

Теория «персонализированного права» и гражданское судопроизводство: утопия или ближайшее будущее?

Аннотация. Рассмотрено влияние алгоритмов больших данных, основанных на эмпирической достоверности, практически бесконечном разнообразии и мгновенной изменчивости во времени на возможности в прогнозировании юридически значимых действий, на современное понимание права. С учетом новейшей теории персонализированного права, а также универсального подхода к праву, включающих аспекты прогнозирования поведения и правовой коммуникации, показано возможное влияние микродирективы как нового источника права на правосудие по гражданским делам.

Выявлен вектор развития персонализации гражданского процессуального права, показана ее зависимость от субъектного состава гражданского судопроизводства, предмета судебного разбирательства. Изучение личности каждого участника гражданского судопроизводства станет первоочередной задачей науки гражданского процессуального права. Значение персонализации правил судопроизводства неодинаково для искового и неисковых производств. Персонализация правил особого производства наиболее эффективна и реальна.

Ключевые слова: Персонализированное право, интегративная теория права, источники права, прогнозирование и коммуникация в праве, гражданский процесс, виды гражданского судопроизводства

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.126.2.032-042

Vsevolod V. ARGUNOV,

Associate Professor of the Department
of Civil Procedure of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University, Cand. Sci. (Law)

argunov@mail.ru

1, str. 13—14, Leninskiye Gory, Moscow, GSP-1, Russia, 119991

The Theory of “Personalized Law” and Civil Proceedings: Utopia or the Near Future?

Abstract. The influence of big data algorithms based on empirical reliability, almost infinite diversity and instantaneous variability over time on the ability to predict legally significant actions and on the understanding of law in modern

society is considered. Taking into account the latest theory of personalized law, as well as a universal approach to law, including aspects of predicting behavior and legal communication, the possible impact of the “micro directive” as a new source of law on justice in civil cases is shown.

The vector of the development of the personalization of civil procedural law is revealed, its dependence on the subject matter of civil proceedings and the subject of judicial proceedings is shown. The study of the personality of each participant in civil proceedings will become the primary task of the science of civil procedure law. The importance of personalization of the rules of judicial proceedings is not the same for claim and non-claim proceedings. Personalization of the rules of special production is the most effective and realistic.

Keywords: *personalized law, integrative theory of law, sources of law, prediction and communication in law, civil procedure, types of civil proceedings*

Постановка проблемы

Представим, что право не воплощается в нормативных и индивидуальных правовых актах: закон, приказ, судебное решение — больше не источники права. Единственным источником является так называемая микродиректива, которая работает ad hoc — в конкретной ситуации с конкретными лицами, их желаниями и предпочтениями. А директиву, каждый раз новую, формирует искусственный интеллект или специально обученный оператор, остающийся человеком, но на основе алгоритмов больших данных и вариантов от искусственного интеллекта.

Постановка темы обусловлена актуализацией вопроса о ценностях в праве, в судопроизводстве в связи с технологиями больших данных и машинного обучения. Современные технологии создания и обмена информацией, аккумуляции эмпирических знаний о человеке и окружающей среде заставляют вновь задуматься о способностях и возможностях человека, правилах его существования среди других людей, об эталонном образе человека XXI в. Алгоритмы больших данных, их возможности в прогнозировании человеческого поведения и коммуникации выводят правоведов, социологов права на новый виток старой проблемы соотношения объективного и субъективного в праве.

Попробуем ответить на вопрос: каким могло бы стать судопроизводство по гражданским делам в XXI в. на основе одной из множества теорий, претендующих на универсальность и интегративность.

Теория персонализированного права и ее основные постулаты

Данная теория получила свое название от термина «персонализация права» (реже — детализация, гранулирование права), возникшего в IT-среде, и, как и все современные теории, призвана объединить объективное и субъективное на основе оригинальной методологии и с помощью новейших достижений в области собирания и обработки больших данных, а также искусственного интеллекта.

В отечественной правовой науке ей не уделяется значительного внимания¹. За рубежом ее концепт пока туманен, а дискуссия только разворачивается, хотя проект «детализированное общество» — «детализированный закон» весьма популярен в Европе и США. Персонализированное право — своего рода продолжение идей бихевиоризма и поведенческой экономики в юридических исследованиях. Сторонниками концепции выступают англо-американские ученые (в основном США), аккуратными критиками — ученые стран континентального права (Германии)². Большинство ученых — цивилисты, которые мало пишут о рисках и полезностях данной теории для процессуальных отраслей.

В то же время думается, она должна заинтересовать и ученых-процессуалистов, так как основана на старой идее постижения справедливости. Ставя перед собой задачу решить древнейшую проблему гармонизации индивидуального и общего начал в человеческом сосуществовании, она направлена против сложившегося в юриспруденции несколько столетий назад «засилия общего над индивидуальным»; разделения законотворческой и правореализационной (в том числе правоприменительной) деятельности и систематики права, построенной на основе такого разделения (включая и организационный, и функциональный аспекты); приоритета объективного права над субъективным. Данную теорию, на наш взгляд, можно отнести к вариации интегративного подхода к праву с приоритетом процедурного начала, направленного на выявление «реального права» конкретной личности (группы) в конкретном месте и времени путем применения электронных технологий и возможностей искусственного интеллекта (как сильного, так и слабого).

Покоясь на фундаменте позитивизма, юснатурализма, социологических и психологических подходов к праву, объединяя в себе «юриспруденцию интересов» и «юриспруденцию ценностей», теория персонализированного права предлагает переосмыслить традиционные для современного права признаки, а в радикальной постановке — ставит под сомнение. Это касается таких общепринятых постулатов, как *нормативность*, *общеобязательность* права, *неоднократность* действия его норм, понимание *субъекта права*.

Нормативность формируется как результат обобщения и фиксации устойчивых, повторяющихся социально полезных отношений и поступков людей. Право действует как типовой регулятор, адресаты которого определены не конкретно, поименно, а общими признаками (возраст, вменяемость, иногда — пол, признаки юридического лица и др.). Преимущества такого подхода — простота и ясность норм права. Необходимость воплощения правил в реальную жизнь, во взаимоотношения между людьми всегда требует конкретизации этой «нормы» под индивидуальные особенности субъекта, места и времени. В этом недостаток «нормы»,

¹ См.: Мисостишхов Т. З. Персонализированное право и фундаментальные права // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 56—73.

² Подробнее см.: Casey Anthony J., Niblett A. The Death of Rules and Standards // Indiana Law Journal. 2017. Vol. 92. No. 4. P. 1401—1447; Bender Philip M. Limits of Personalization of Default Rules — Towards a Normative Theory // Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance Working Paper. Munich, 2020. № 2; Busch Ch., De Franceschi A. (ed.). Algorithmic Regulation and Personalized Law : A Handbook. London ; New York, 2021.

который пытаются исправить большинство интегративных теорий, включая и персонализированное право.

Однако правовая, законодательная модель должного поведения в западной традиции права строится на юриспруденции ценностей, включающей в себя экономическую и социологическую основу утилитаризма в духе И. Бентама. Отказ от принципа методологического индивидуализма в экономике и праве приводит к тому, что правовые и законодательные модели поведения не просто «отстают» от реальной жизни, а тормозят развитие общества, провоцируя кризисы перепроизводства и усугубляя экологические проблемы. В радикальной постановке персонализированный подход настроен на уничтожении всего «общего» в праве, делая упор на индивидуальные предпочтения каждого члена общества, механизм их выявления и учета. Тем самым стирается грань между общим и особенным, индивидуальным.

Нормативность проявляется в «многообразности» правовой нормы, которая вступает в процесс регулирования всякий раз, когда возникают типовые ситуации, установленные как условия ее действия. То есть *нормативность требует неоднократности*. В этом проявляется стабильность и предсказуемость классической правовой нормы, возможность ее трансляции на будущее время всем адресатам. Но даже современный набор смоделированных в праве типовых ситуаций слишком мал, чтобы урегулировать весь объем отношений между людьми. Поэтому «реальное» право всегда «одноразово», и в рамках любого подхода к праву требуется инфраструктура «перевода» неоднократного правила в единственно приемлемое.

Зачем же нужно общее правило, если его всегда надо конкретизировать и создавать для этого специальную «инфраструктуру» дополнительных правил (включая процессуальные отрасли права) и ответственных лиц (в том числе суды)? Механизм перевода общего в индивидуальное у персонализированного подхода оригинален: он объединяет в себе правотворчество и реализацию права (включая правоприменение). В идеале персонализированная правовая норма создается здесь и сейчас под каждого индивида, его возможности и предпочтения, тем самым стирая разрыв между нормой-моделью, установленной *ex ante* и действительным поведением в конкретной ситуации (нормой-фактом, выявляемой *ex post*). Разделение труда юристов на правотворцев и правоприменителей остается в прошлом.

Что касается государственно-властного подчинения, принудительного характера права, то, хотя *общеобязательность* и сохраняется в персонализированном праве, но ее содержание меняется. Обязательность остается не общая, а «частная», — создается инверсия категорий свободы и равенства в праве. Традиционно действие права покоится на принципе применения равных мер к участникам общественных отношений независимо от их индивидуальных особенностей, т.е. фактически к неравным субъектам (принцип формального равенства)³. Принцип требует, чтобы к общим (подобным) случаям относились одинаково (первый аспект равенства), а к различным — по-разному (второй аспект равенства). Теория

³ Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2008. С. 208.

персонализированного права усиливает второй аспект за счет первого, ставя на первое место не общность, а различие (индивидуальность). И здесь персонализированный подход дает ход развитию старой мысли о том, что «право, чтобы быть равным, должно быть неравным»⁴, предлагая оригинальный путь моделирования индивидуального правила поведения для каждого.

Общеобязательной может быть только «норма» как нечто усредненное для условно смоделированного *субъекта права*. Ученые давно подметили, что смоделированный субъект права, если смотреть в историческом ключе, к сожалению, не отражает всю палитру возможных различий между людьми. Каждая эпоха за идеал, воплощаемый в понятии «субъект права», принимает своего героя. В эпоху капитализма таковым является «разумный буржуа», рационально и экономно ведущий свое дело; в советское время в нашей стране — бесполой «товарищ», подразумеваемый рабочим, крестьянином, военным, в крайнем случае — интеллигентом, больше ратующий за коллектив, чем за собственные интересы. Как же быть с индивидом, который живет в обществе, но всегда развивается уникально и имеет персональную, личную сферу существования?

В теории персонализированного права эталоном считается «разумный потребитель», на этой основе формируется портрет гражданина в публичных отношениях и партнера — в частных⁵. Все остальные лица вынуждены подтягиваться к такому идеалу. Возможно ли это? Все зависит от охвата общественных отношений, которые могут стать предметом регулирования персонализированного права. Если говорить об области частного права, то здесь учеными предлагается использовать подход (для начала) в регулировании отношений с участием потребителей в договорном, частично — в деликтном праве⁶.

Возможности теории персонализированного права. В целом в теории персонализированного права под правом понимается традиционная норма права (правило поведения), индивидуализированная «электронным» путем в индивидуальном предписании (решении искусственного интеллекта, так называемой микродирективе). Авторы теории пишут, что достижения в области прогнозного анализа и коммуникационных технологий приведут к появлению новой формы права — микродирективе (индивидуальном предписании-решении). Микродиректива подогнана под особенности конкретной личности и ее существования в определенное время и определенном месте (собственно, это и есть сама процедура персонализации, детализации, давшая название теоретическому подходу)⁷.

Вопрос о том, насколько обязательным является такое «индивидуальное предписание-решение», остается открытым, как и вопрос о том, предполагаются ли даже гипотетическая возможность несогласия с ним со стороны адресата — индивида, а также сохранение «общих» норм права в традиционном понимании. Ведь цель персонализации как раз и заключается в учете всех факторов, составляющих

⁴ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 77.

⁵ Bender Ph. M. Op. cit. P. 4,35—41 ; Grigoleit H.-C., Bender Ph. The Law between Generality and Particularity. Chances and Limits of Personalized Law // Busch Ch., De Franceschi A. (ed.). Algorithmic Regulation and Personalized Law : A Handbook. London, New York, 2021. P. 117.

⁶ Grigoleit H.-C., Bender Ph. Op. cit. P. 118—120.

⁷ Casey Anthony J., Niblett A. Op. cit. P. 1403—1405.

образ жизни и ситуацию конкретной личности, в предоставлении индивиду с помощью машины «его», а не «чужого» решения для воплощения в жизнь.

Давая новые импульсы в развитии права, рассматриваемая теория не лишена недостатков. О некоторых из них написано в западной литературе: она слабо согласуется с современной системой права, особенно континентального; трудно совместима с действующим пониманием свободы воли и равенства в праве; влечет риски дискриминации в нерыночных отношениях по некоторым индивидуальным характеристикам взаимодействующих субъектов (пол, раса, национальная принадлежность)⁸. Технологии персонализации способны ограничить самостоятельность человека в принятии решений (феномен «подталкивания» к принятию решения), а если грань между общим и особенным стерта, а есть только «индивидуальное», значит, первый аспект принципа равенства (равное для общего) может быть установлен лишь как индуктивно существующая величина, «сумма сингулярностей». Подлежит ли вообще учету такая «сумма» и зачем она нужна, если предпочтения у всех разные, — на этот вопрос апологеты персонализированного права ответа не дают.

Тем самым усиливается либерально-патерналистское регулирование отношений, которое может вылиться в государственное микропланирование, имеющее много общего с социалистическим правом. К примеру, Филип Бендер называет персонализированное право как «право микросоциализма», дающее возможность государственного вмешательства в частные отношения на основе множества децентрализованных решений⁹.

Указывается и ряд иных рисков, связанных с актуальными ценностями, защищаемыми современным правом, но не вписывающимися в новую теорию¹⁰. Возможны и чисто технические ошибки из-за сбоя алгоритмов, вопрос об исправлении которых требует отдельного обсуждения.

Вопросы о том, как индивидуализировать групповые интересы; какое влияние персонализированное право окажет на процессуальные отрасли, судопроизводство; возможна ли персонализация в процессуальных нормах — пока не ставятся. Лишь в общих чертах констатируется, что функции судебной власти значительно видоизменятся в новых условиях существования права.

Универсальность правопонимания — основной признак процессуального права

Гражданское процессуальное право, являясь частью системы права, подвержено закономерностям ее существования, несет на себе отпечаток господствующего современного ему правового подхода. Однако, на наш взгляд, процессуальное право более стабильно в этом смысле, чем право материальное. Процесс всегда сохранял в себе баланс нормативного и эмпирического начал. Право есть сумма

⁸ *Bender Ph. M.* Op. cit. P. 32—56.

⁹ *Bender Ph. M.* Op. cit. P. 59.

¹⁰ *Tommasi S.* The Risk of Discrimination in the Digital Market. From the Digital Services Act to the Future. Cham, 2023. P. 45—49.

нормы и факта, а процессуальное право как высшая форма поиска и установления такой суммы (правосудия) приобретает ведущее значение в современном правопонимании. Какие возможности персонализированное право дает судопроизводству и процессуальным отраслям?

Современное понимание гражданского процессуального права в большинстве случаев, конечно, остается в русле юридического позитивизма. Так называемое «бюловское направление» в процессуальной науке, изначально возникшее всего лишь как дополнение и развитие древней «описательной теории процессуальных действий»¹¹, у нас превратилось в локомотив, тянущий за собою все учение о гражданском процессе. Подход к гражданскому процессу как к системе процессуальных прав и обязанностей, установленных позитивно в норме права и реализуемых посредством процессуальных правоотношений, является основным в научных исследованиях. Сегодня он активно развивается путем построения систематики гражданского процессуального права как отрасли права, законодательства. А на фоне попыток решить проблему доступа к правосудию он выражается в бесконечной дифференциации процессуальной формы и в многочисленных предложениях совершенствования действующих процессуальных кодексов. Думается, это ограничивает развитие как доктринальных взглядов, так и законодательной и судебной практики, не позволяет в полной мере учесть реалии времени.

«Процессуальное отношение не может быть фактическим, оно всегда — правовое», — гласит одна из аксиом¹². В процессуальном праве, как и в материальном, наблюдается «позитивистская инверсия», выдвинувшая на первое место не реальные действия и связи между субъектами судопроизводства, не реальную жизнь, а ее правовую модель, закрепленную в законе. Но нельзя забывать и обратное утверждение: процессуальное правоотношение — всегда фактическое, а процессуальные права и обязанности (как объективные, так и субъективные) вне процесса не существуют.

«Дай мне факты, я дам тебе право» — известная римская максима, тесно связанная с другой — «суд знает закон». Обе предполагают разделение труда в процессе, когда стороны представляют в суд факты (сведения о них), а суд устанавливает на их основе право. Сделать это можно только во взаимодействии. Гражданскому процессуальному праву всегда был присущ деятельностный окрас в изучении и понимании права. Можно даже определить деятельностный подход как имманентный процессуальному праву, так как судебный процесс — это всегда факт реальной жизни.

Так, К. И. Малышев, начиная изложение курса гражданского судопроизводства, во вступительной лекции определял его как «систему судебных действий для охранения прав гражданских по поводу нарушения или спора»¹³. Деятельностный подход никогда не терялся из виду и советскими процессуалистами, вылившись в серьезную научную дискуссию 50—70-х годов XX в. о соотношении

¹¹ Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Очерки истории. М., 1967. С. 5.

¹² Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушниковой. М., 2020. С. 112 (автор главы — В. М. Шерстюк).

¹³ Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд. СПб., 1876. Т. 1. С. 1.

гражданских процессуальных действий и гражданских процессуальных правоотношений¹⁴. На основе данного подхода проводится множество современных научных исследований в сфере гражданского судопроизводства.

Таким образом, процессуальная юриспруденция всегда имела своим фундаментом «универсальный» подход к праву в духе И. Канта и неокантианцев, объединяющий в себе «норму права», логику (рациональный, абстрактный элемент) и факт реальной жизни, эмпирику (иррациональный, конкретный и единичный по своей природе элемент). Известно, что представители неокантианства отстаивали необходимость для философии права синтеза всего знания о праве¹⁵. Рациональная (логическая) и иррациональная (жизненная) стороны права как единое целое в судебном деле есть ничто иное, как объединение всех существующих в конкретный момент времени подходов к праву с практической стороны. Нет никаких оснований отрываться от этой цельности и в научных исследованиях судопроизводства. Практика всегда была хорошо вакцинирована от односторонних концепций правопонимания, не должна этим страдать и теория.

Судебный процесс — древнейший и пока самый надежный механизм поиска «реального права». Поэтому для процессуального права традиционные темы индивидуализации наказания, ответственности, защиты прав и законных интересов, а в целом — справедливости. Однобокость позитивизма и юснатурализма во всех модификациях — помеха для решения проблем правосудия.

Предлагая механизм «персонализации» нормы права и альтернативный путь поиска справедливости, обсуждаемая теория покушается на правосудие. Есть ли место судопроизводству в теории персонализированного права? Это — главный вопрос, над которым стоит серьезно задуматься. Думается, если и есть — то весьма не похожее на то, чем сегодня занимается судебная власть.

Поддерживая сторонников персонализированного права, универсального права, концепцию «юридического реализма», стоит задуматься над обсуждением персонализации процессуальных моделей. Ведь они страдают тем же недугом, что и позитивистские модели в материальном праве. В исследованиях этих направлений, не получивших пока общего признания в науке, нужно искать аргументы для осмысления современных возможностей рассмотрения и разрешения гражданских дел; решения проблем доступа к правосудию и определения его границ; разработки процедурного подхода в правовых исследованиях.

Следует подчеркнуть, что *персонализация процессуальных отраслей* — не синоним *предиктивного правосудия*. Все гораздо глубже. В отечественной науке пока не сложилось понятия «предиктивное правосудие», а предлагаемые определения, что «это разновидность/технология искусственного интеллекта» (как правило, слабого), «вспомогательный инструмент legaltech» и т.д.¹⁶, на наш

¹⁴ Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1967. С. 7—9 ; Клейнман А. Ф. Указ. соч. С. 5—11.

¹⁵ Фролова Е. А. Методология и философия права от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017. С. 258.

¹⁶ См.: Брановицкий К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 7—13.

взгляд, не способны пролить свет на суть явления, далеки от действительности. Вопрос не сводится только к искусственному интеллекту и возможности замены человека-судьи или пользования искусственным интеллектом как помощником в принятии решений. Ближе к истине ученые, основывающиеся на классических разработках прогнозирования правового поведения¹⁷.

Предиктивные технологии — это прогнозные технологии. Право — не исключение. Прогностика совместима и с ортодоксальным позитивизмом. В теории же персонализированного права прогнозирование поведения — лишь часть методологии, причем не главная. Персонализированное право — не только прогностика поведения, но главное — сама коммуникация, непрерывный обмен информацией в настоящем, так называемая «непрерывная персонализация и актуализация данных». Только предиктивные и коммуникативные технологии, используемые одновременно, способны дать эффект персонализации, «преобразовать всю информацию в единую поведенческую директиву, которой люди смогут легко следовать»¹⁸.

Главным вопросом, который предстоит разрешить ученым-процессуалистам — как меняется правосудие в условиях работы микродиректив? В особенности это касается такой стадии правоприменения, как поиск и выбор нормы права. Ведь персонализированное право в идеале — это определение поведения граждан без дальнейших законодательных или судебных действий¹⁹. Возможна ли в суде дальнейшая персонализация уже детализированного права или микродиректива неизменна и не может быть оспорена как с фактической, так и с правовой стороны? Каков предел детализации? Как это происходит?

Возможен ли спор о детализированном персональном праве между двумя субъектами в связи с конкуренцией их возможного поведения в установленной для каждого из них микродирективе? Если в персонализированном праве есть место правонарушению, каков будет состав такового?

Ряд западных ученых положительно оценивают результаты персонализации материального права при его применении судами в ходе разрешения споров, предлагая даже дополнительные технологии уточнения персонального права судьей-человеком путем введения правил дискретной (ступенчатой) судебной персонализации и презумпций, что предполагает некий откат к необходимости формулировки «общих правил»²⁰ (с чем персонализированное право принципиально не ладит). Однако здесь речь идет о материальном праве.

Персонализация же процессуальных моделей — это создание процессуальных микродиректив, необходимых для реализации «здесь и сейчас» в ходе рассмотрения конкретного дела. Безусловно, таковая возможна, но будет иметь свои особенности, заключающиеся в субъектном составе процессуального правоотношения, а также его предмете. Поскольку «окружающая среда» (пространство

¹⁷ Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 58—72.

¹⁸ Casey Anthony J., Niblett A. Op. cit. P. 1404.

¹⁹ Casey Anthony J., Niblett A. Op. cit. P. 1402.

²⁰ См.: Busch Ch., De Franceschi A. Op. cit. P. 89.

правосудия) имеет свои типовые характеристики, неизменные многие столетия²¹, в судопроизводстве персонализация свое острие направит на личность каждого из субъектов процесса и на тип коммуникации между ними.

И здесь на первый план выходят такие направления персонализации, как информация о личности лица и его образе жизни, т.е. составление «информационной карты» о каждом из субъектов процессуального правоотношения. Сюда западные ученые (правда, вне связи с персонализацией процессуальных норм) относят физическую и генетическую информацию о людях, а также информацию о личности, включая когнитивные навыки и эмоциональные аспекты, характеристики поведения непосредственно в процессе и в прошлом, до процесса. Кроме того, предлагается использовать и «статусную информацию» — раскрывающую статус личности в обществе (образ жизни, профессию, сферы деятельности, образование, семейное и имущественное положение, репутацию и др.). Подобного рода исследования о «личности преступника» и без какой-либо новой теории давно принято проводить в области уголовного права и процесса с целью индивидуализации наказания и целей восстановительного правосудия²².

Следующий логичный шаг — исследования личности каждого из субъектов процесса, что мы и предлагаем рассматривать в качестве первого этапа персонализации гражданского процессуального права (и уголовно-процессуального тоже). Это возможно лишь при условии легализации сбора информации о каждом из субъектов процесса, что потребует кардинальных изменений в области персональных данных. Подобный набор информации можно предусмотреть и для коллективных субъектов гражданского процессуального права (органы и организации, юридические лица и др.).

С точки зрения типа коммуникации как части среды гражданского процесса персонализация правил пойдет по двум направлениям: для спорных и бесспорных производств²³. Причем персонализация бесспорных производств (в первую очередь — особого), на наш взгляд, пройдет быстрее и эффективнее, так как в действующей модели уже заложено много индивидуализирующих начал с точки зрения как субъективной, так и объективной стороны предмета судебного разбирательства. Персонализация же исковых производств будет осуществляться по пути вовлечения данных конфликтологии в механизм принятия процессуальных микродиректив.

По нашему мнению, персонализация процессуальных норм возможна только при сохранении широко распространенной такой «человеческой черты», как стремление быть услышанным человеком, принимающим решения. Люди заботятся не столько о том, чтобы к ним относились определенным образом, сколько о личном человеческом подходе, который не могут обеспечить машины и алгоритмы. Вряд ли кто-то захочет быть объектом персонализированного юридического

²¹ См.: Аргунов А. В. Пространство правосудия. М., 2021.

²² См. одну из последних работ: Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование. М., 2010.

²³ О типах коммуникации см.: Аргунов В. В. Гражданский процесс «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 10. С. 26—37.

решения как сумма бесконечных данных о самом себе, а не как он «сам». Быть услышанным не только на основе разума, но и человеческой интуиции — в этом ценность правосудия. Речь идет об этическом аспекте судебной оценки «личности целиком», а не ее цифровой проекции. В условиях персонализации материально-правовых норм такая возможность останется только в судопроизводстве и приобретет особенную ценность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Антонян Ю. М., Эминов В. Е.* Личность преступника. Криминологическое исследование. — М., 2010.
2. *Аргунов В. В.* Гражданский процесс «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 10. — С. 26—37.
3. *Аргунов А. В.* Пространство правосудия. — М., 2021. — 344 с.
4. *Брановицкий К. Л., Ярков В. В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 4. — С. 7—13.
5. *Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. — М., 1949.
6. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. — М., 2020.
7. *Жеруолис И.* Сущность советского гражданского процесса. — Вильнюс, 1967.
8. *Клейнман А. Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Очерки истории. — М., 1967.
9. *Малышев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. — 2-е изд. — СПб., 1876. — Т. 1.
10. *Мисостишхов Т. З.* Персонализированное право и фундаментальные права // Цифровое право. — 2020. — Т. 1. — № 4. — С. 56—73.
11. *Протасов В. Н., Протасова Н. В.* Лекции по общей теории права и теории государства. — М., 2008.
12. *Фролова Е. А.* Методология и философия права от Декарта до русских неокантианцев. — М., 2017.
13. *Черных И. И.* Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 58—72.
14. *Busch Ch., De Franceschi A.* (ed.). Algorithmic Regulation and Personalized Law : A Handbook. — London ; New York, 2021.
15. *Casey Anthony J., Niblett A.* The Death of Rules and Standards // Indiana Law Journal. — 2017. — Vol. 92. — No. 4. — P. 1401—1447.
16. *Tommasi S.* The Risk of Discrimination in the Digital Market. From the Digital Services Act to the Future. — Cham, 2023.